

Бай Шаньхэ

ВЕРНОСТЬ МЕРТВОГО
НЕ ИЩЕТ НАГРАДЫ

灯火阑珊处

КОГДА ПОГАСНУТ
ВСЕ ОГНИ

Бай Шаньхэ
Когда погаснут все огни
Серия «Темный путь.
Русское азиатское фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74373766
ISBN 978-5-04-251993-2

Аннотация

Порой в небе вспыхивает видимая лишь избранным багровая звезда, которую называют Оком Бездны. Мир Четырех Пределов замирает на опасной грани, ибо каждый ее восход может знаменовать возвращение демонов. Те, кто не видит зловещих знамений, заняты интригами и борьбой за власть. Они еще не знают о том, что опрометчивый поступок безвестного заклинателя уже запустил роковую цепь событий, способную обрушить привычный порядок вещей; что бессмертный кукловод уже готовится играть чужими судьбами.

Юному принцу Шэнли предстоит узнать, как тесно его судьба переплетена с судьбой мира. Но сначала ему нужно выжить в жестокой борьбе за трон.

Причины прочесть:

1. Проработанный мир на основе Средневекового Китая. Мир, в котором смерть – порой лишь начало.

2. Сложные интриги и беспощадная борьба за власть даже в зловещие времена, когда мир окутывает мрак.

3. Яркие живые герои, сверхъестественные существа и могущественные артефакты из глубин времени.

4. Напряженные повороты сюжета.

5. История о дружбе, верности и чести, которые противостоят испытаниям.

Содержание

Места и названия	8
Персонажи	10
Пролог	12
Глава 1	23
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бай Шаньхэ

Когда погаснут все огни

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрация на обложку Zialron

Внутренние иллюстрации JuBu

* * *

Великий Цикл, иначе называемый Великим Колесом, был приведен в движение Небесным Императором в начале всего сущего и поддерживается Госпожой Черного Жемчуга и Драконом Белого Нефрита.

Вечным и неуклонным движением Великого Колеса определяется развитие мира и всего, что в нем есть. Оно творит и отнимает жизни, создает и низвергает царства, пишет судьбы людей, небожителей, Многоликих и демонов. Те, кто живет

с ним в гармонии, возносятся выше. Кто отягощается грехами – становятся все более низменными. Вращение Великого Колеса распределяет все на должные места сообразно внутренней природе.

Однако есть у него и темная сторона. Со временем оно становится все более уязвимым. Порой его ось запутывает энергии мира, выводя их из равновесия. Тогда на небе вспыхивает видимая лишь избранным багровая звезда, которую называют Оком Бездны. Под ее светом искажаются Завесы, разделяющие Четыре Предела: мир небожителей, населенный живыми Срединный Мир, Земли Духов и Бездну, где вечно ярятся ждущие своего часа демоны. В это время растет вероятность дурного исхода любого события, а цепочки случайных совпадений приводят к трагедиям. Мир замирает на опасной грани, ибо каждый восход Ока Бездны может знаменовать возвращение демонов из-за Врат Бездны и наступление Шестой Эпохи – времени зла и величайших бедствий, времени горя, жестокости и безжалостности.

Тысячи лет назад первый восход Ока Бездны стал знаком конца Яшмовой Ганьдэ, первой и величайшей державы людей. Ценой великих жертв мир удалось удержать на грани, но мрачным наследием той поры стали бессмертные – отвергнутые Небесами живые мертвецы, снедаемые вечной болью и голодом.

Места и названия

Яшмовая Ганьдэ – первая империя людей, существовавшая в Четвертую Эпоху, золотой век. Погибла две тысячи лет назад во времена первого восхода Ока Бездны. Ее упадок и гибель считаются мрачайшим периодом в истории Срединного Мира.

Цзиньянь – крупнейшее и самое могущественное в настоящее время государство Срединных Земель, выросшее из крохотного княжества. Знак – золотой сокол на лазурном поле. Правящая династия – Тянь. Столица – Гуанлин.

Данцзе – государство – соперник Цзиньяня. Гордится своей древней историей, но в настоящее время ослабело и переживает упадок. Знак – белый лотос. Правящая династия – Жун. Столица – Шэньфэн.

Милян – небольшое независимое государство, граничащее с Цзиньянем и Данцзе.

Западный Юй – принятое в Срединных Землях наименование Великой Степи, населенной кочевыми народами.

Земли Духов – один из планов бытия, призрачный мир, в котором находят отражение события, происходящие в Срединном Море. Пристанище призраков и неупокоенных душ, которые покинули мир плоти, но не сумели найти путь к Великому Колесу. В Землях Духов расположены Врата Бездны.

Небесный град – план бытия, населенный небожителя-

ми.

Бездна – план бытия, населенный демонами. Во время катастрофы, постигшей Срединный Мир в конце Четвертой Эпохи, были воздвигнуты Врата Бездны, за которые ценой огромных потерь удалось изгнать не только демонов, порожденных преступлениями и искажениями Срединного Мира, но и тех бессмертных, что окончательно погрязли в пороках.

Пять Дворов Бессмертных – тайное объединение, в которое входят бессмертные, которые осознали свое падение и пытаются найти путь к окончательной смерти и упокоению.

Персонажи

Цзиньянь

Тянь Чжэнши – правящий император

Моу Синьюэ – его супруга, императрица

Янь Чжучжэн – любимая наложница императора

Принц Шэньгун – старший принц, сын императора Чжэнши и императрицы Синьюэ

Принц Шэнли – младший принц, сын императора Чжэнши и наложницы Чжучжэн

Принцесса Шучун – супруга принца Шэньгуна

Янь Жунсинь – племянник наложницы Чжучжэн, двоюродный брат принца Шэнли

Хао Вэньян – молочный брат принца Шэнли, его телохранитель и доверенное лицо

Наставник Ли – воспитатель принца Шэнли

Со Мэйсю – знатная дама, приближенная наложницы Чжучжэн

Со Ливей – племянник дамы Со, приближенный принца Шэнли

Хэ Минь – наложница и возлюбленная Хао Вэньяня

Юн Ичэн – советник императора, сторонник принца Шэнли

Юн Лифэн – племянница советника Юна, невеста Хао Вэньяня

Фэн Иньчжи – дворцовый заклинатель

Данцзе

Жун Сянсин – правитель Данцзе

Ши Кунлян – его друг, советник, фактически второе лицо в Данцзе

Линь Яолян – генерал Данцзе, по мнению многих, самый талантливый полководец Срединных Земель

Нин Иньюй – начальник ставки Линя Яоляна, его друг

Дин Гуанчжи – заклинающий

Вне государств

Байхэ – глава Пяти Дворов, старейший из ныне существующих бессмертных

Чжу Юйсан – бессмертный, приставленный к принцу Шэнли в качестве телохранителя

Хао Сюаньшэн – бессмертный, в прошлом величайший полководец Цзиньяня, казненный во время смуты пятьсот лет назад

Небесная принцесса Линлинь – небожительница, в прошлом принцесса Цзиньяня

Сяохаумей – Многоликая, лисица-оборотень

Пролог

День догорал над холмами. Горячий воздух был неподвижен, от раскалившейся за день земли поднимался жар. Все краски стали блеклыми, приглушенными. Даже закат казался неярким. Как будто все выцвело под беспощадным солнцем.

Лето в Милине часто бывало жарким, но нынешняя жара казалась совершенно невыносимой. Безжалостный зной выжег землю до звона. Проходя по деревням, Дин Гуанчжи не раз слышал тревожные разговоры о засухе. А где засуха – там и неурожай. Где неурожай – там и голод. А что может быть для крестьянина страшнее? Именно поэтому полнились встревоженным народом храмы богов. Люди не скупились на молитвы и подношения, у алтарей клубами вилась синеватый дым благовонных курений... только вот он не спешил обратиться в тучи, несущие спасительный дождь.

Дин Гуанчжи отер лоб рукавом и отмерил из фляги два небольших глотка степлившейся воды. Солнце уже опустилось за холмы, но за день так прокалило окрестности, что вечер не приносил ни облегчения, ни прохлады. По-прежнему даже слабый ветерок не тревожил плотный горячий воздух. На Милинь опускалась еще одна безысходно жаркая ночь.

Обширная, чуть всхолмленная равнина замерла в мертвом молчании. Ни единого звука. Никакого признака дви-

жения, кроме одиноко бредущей человеческой фигуры. Не знай Дин Гуанчжи, что до ближайшей деревни всего около половины дня пути, с легкостью мог бы вообразить, что он оказался где-то посреди сухих земель Западного Юй, о которых рассказывали порой торговцы, имеющие дело с варварами из народа лай¹.

Дин Гуанчжи догадывался, почему эта обширная местность пребывает в таком запустении. Слишком неблагоприятной для жизни она была. Течение потоков здесь оказалось затруднено, и это не несло ничего хорошего. Чтобы польститься на это место, нужно быть или сущеглупым дураком, или доведенным до полного отчаяния изгнанником, или же безмерным гордецом, самонадеянно пренебрегающим законами благополучия.

Жу Яньхэ, государь Великой Цюнцзе², не слыл ни дураком, ни изгнанником. Возможно, он был не лишен зерна безумия. Но вот в чем сходились все древние хроники и предания, так это в том, что он был гордецом, не терпящим ничего мнения, если оно не совпадало с его собственным. Он настолько привык бороться с врагами и самой судьбой, что приказал построить себе гробницу в бесплодных холмах Милиня, поскольку вопреки всем считал это место счастливым

¹ **Народ лай** – полукочевой народ, обитающий в степях на западе от Срединных Земель.

² **Великая Цюнцзе** – государство, существовавшее в Срединных Землях более тысячи лет назад.

для себя. Именно здесь он одержал самую великую из своих побед, создав Великую Цюнцзе, и первым из правителей Срединных Земель провозгласил себя наследником канувшей в легенды Яшмовой Ганьдэ³.

Только вот триумф созданной им державы был недолгим. Не прошло и четверти века после его смерти, как Великую Цюнцзе разорвали междоусобицы, а с севера хлынули полчища хошу⁴, которых вели Меняющие Облик⁵. Срединная Земля утонула в череде кровопролитий, величественная гробница первого, кто осмелился назвать себя императором, после падения Яшмовой Ганьдэ была заброшена, а сам Жу Яньхэ остался лишь в трудах ученых книжников как жестокий победоносный государь да в народных сказаниях как самонадеянный самодур и гордец, чье дело обернулось пылью на ветру сразу после его смерти.

О могилах великих людей и правителей испокон веков ходит много легенд. Усыпальница Жу Яньхэ не стала исключением. Только вот предания повествовали не о сокровищах вроде золота, серебра, жемчуга или нефрита. Смутно говорилось в них, что великое сокровище, скрытое в гробнице, – это некий талисман, хранивший удачу самого Жу Яньхэ и

³ **Яшмовая Ганьдэ** – древнейшее из государств людей. Его гибель в результате череды бедствий ознаменовала наступление Пятой Эпохи.

⁴ **Хошу** – племена кочевников, издавна нападавших на Срединные Земли.

⁵ **Меняющие Облик**, они же Многоликие, – обычное для Срединных Земель название лис-оборотней.

всего государства Цюнцзе. Это не противоречило и словам хроник о том, что древний правитель, умирая, приказал положить с собой в могилу то, что он считал величайшим своим сокровищем. Пристало ли государю поступать столь себялюбиво, лишая державу и своего преемника чудесного талисмана? Однако Жу Яньхэ был не только безмерно горделив, но и крайне эгоистичен.

Учитель Дина Гуанчжи считал, что эти легенды и скудные упоминания в хрониках о некоем великом сокровище, с которым Жу Яньхэ не пожелал расстаться даже после смерти, правдивы. Много лет он потратил на сбор по крупицам всего, что было известно, пытаясь среди нанесенной веками шелухи домыслов разыскать зерна истины.

Дин Гуанчжи не знал, что именно заставило учителя счесть долгие исследования законченными и побудило отправиться на поиски гробницы. В те месяцы Дин Гуанчжи отбывал наказание за памфлет, который сочли возмутительным. Когда он смог вернуться, его ждали лишь записки, подготовленные учителем на случай, если сам он не вернется. Едва ли наставник рассчитывал, что Дин Гуанчжи успеет ему на помощь. Он лишь оставил завет – если талисман государя, в котором сосредоточена удача, обнаружится в гробнице Жу Яньхэ, его следует использовать на благо Данцзе. Учитель был не из тех, кто готов смириться с угасанием родной страны, которую вот-вот раздавит могущественный Цзиньянь. Он не желал, чтобы Данцзе разделила судьбу Великой

Цюнцизе, оставшись лишь на страницах ветхих хроник.

Путь в Милинь был долгим и трудным. Однако сейчас он заканчивался – здесь, среди выжженных зноем бесплодных холмов, где недобро клубились водоворотами потоки застоявшихся энергий.

Здесь словно был еще кто-то, кроме него. Кто-то чуждый, следящий с холодной недоброжелательностью. Дину Гуанчжи стало не по себе. Он *прислушался* — так, как могут слушать окружающий мир очень немногие люди.

Никого. Должно быть, само это место не любило чужаков. Тем не менее Дина Гуанчжи в который уже раз за время пути охватили сомнения. В последних записках наставника, доставленных в тайник духом-гонцом, говорилось о том, что вход в гробницу замечен песком и мусором, зарос кустарником до полной неразличимости. Но что, если гробница Жу Яньхэ давно разграблена, а наставника постигла смерть от укуса ядовитого насекомого, истощения или от недоброго духа, поселившегося в оскверненном мавзолее?

Ученику не пристало сомневаться в своем учителе, а потому Дину Гуанчжи всякий раз становилось стыдно за такие мысли. Дух, способный навредить наставнику, должен был бы отравить своей аурой округу по меньшей мере на целый ли⁶ – но ничего подобного не ощущалось. А ядовитое насекомое или змея? Да полно, не так много на свете тварей, яд которых способен серьезно навредить учителю...

⁶ Ли – мера длины, около 500 м.

«Нет, – в который раз повторил себе Дин Гуанчжи. – Наставника погубило нечто иное – или истощение сил, или, вероятно, то, что затаилось внутри гробницы и способно себя скрывать».

Он снова глотнул из фляги. Если наставник встретил противника, с которым не смог совладать, то что сумеет простой ученик, еще не достигший таких высот в искусстве сокрытого? Однако преступить через наказ и отречься от поисков означало предать и учителя, и Данцзе. И предать из низкого страха за собственную жизнь.

Даже с записками, оставленными учителем, поиск входа в гробницу оказался непростым делом. Он совершенно терялся среди поросших жухлой травой и чахлым кустарником камней, а сам погребальный курган ничем не отличался от обычных холмов. Пыль, грязь, сухие ветки, остатки чудом не обратившихся в прах листьев – все говорило о том, что сюда никто не входил уже очень давно.

Должно быть, каменные блоки, из которых сложили портал гробницы, некогда покрывали письмена или орнаменты. Однако время, ветры, дожди и песок сгладили их, и разобрать, надпись перед ним или узор, Дин Гуанчжи не сумел. Быть может, при свете дня резьба выглядела бы отчетливее, чем в сгущающихся сумерках.

К своему удивлению, Дин Гуанчжи не обнаружил ни остатков ворот, ни каменной плиты, которая закрывала бы ведущий внутрь холма ход. Как будто усыпальница и вовсе

не была заперта. Ловушка? Или просто коридор-преддверие, ведущий к истинному входу?

Записки учителя обрывались на описании этого места. Дин Гуанчжи остановился в нерешительности. Он прошел весь долгий путь, следуя указаниям наставника, но далее ни помощи, ни подсказки ждать было неоткуда.

Ему стало жутко от того, что он вот-вот собирался свершить: потревожить покой усыпальницы древнего владыки. Ночью, подобно вору, пробраться внутрь в поисках того, чем Жу Яньхэ дорожил превыше всего на свете. Легенды так и не могли сойтись на том, что же именно было талисманом – меч или печать из красной яшмы. Однако и из легенд, и из хроник следовало, что император не расставался с этими предметами. И оба они были погребены вместе с ним. Никто из последующих государей и рвущихся к власти честолюбивых генералов не называл себя владельцем этих вещей. Лишь пятьсот лет назад правитель Таолу⁷ чуть не стал всеобщим посмешищем, приняв за печать Жу Яньхэ грубую подделку.

Это было непочтительно по отношению к мертвому императору. Но Дин Гуанчжи, как и его учитель, желал помочь родной стране. Данцзе вот-вот падет под неуклонным натиском Цзиньяня, и тогда своенравные правители династии Тянь провозгласят возрождение Яшмовой Державы под своим знаменем. Сокол взойдется в недостижимую высь.

⁷ **Таолу** – в прошлом государство в Срединных Землях, вошедшее в состав Цзиньяня.

Дин Гуанчжи перевел дыхание. Мысль о торжестве Цзиньяня придавала ему решительности. Лучше уж запятнать себя неблагоприятным поступком, но дать Данцзе шанс выстоять. Дин Гуанчжи сделал шаг к дышащему прохладой темному входу в усыпальницу.

Небольшой язычок бездымного огня заплясал на пальцах, набирая силу. Когда огонек окреп, Дин Гуанчжи зажег фитиль бронзовой лампы, принесенной с собой. Колеблющееся пламя разгоняло темноту едва ли больше, чем на десяток шагов, но Дин Гуанчжи надеялся, что этого будет достаточно.

Уходящий вглубь холма коридор казался бесконечным. В неверном свете лампы Дин Гуанчжи видел – стены облицованы каменными плитами. Сюда не проникали ни ветер, ни песок, и поэтому гладко отшлифованный темный мрамор чуть поблескивал светлыми прожилками, отражая свет.

Дин Гуанчжи прошел не меньше двух десятков шагов, когда заметил на стене коридора талисман, умиротворяющий духов. Рука того, кто вывел на нем письмена и символы, была хорошо знакома. Талисман создал учитель. Встретился ли он здесь с кем-то или же хотел загодя умиротворить дух Жу Яньхэ?

У стены, прямо под талисманом, блеснула потемневшим бронзовым боком курильница. Учитель не только прикрепил на стену талисман, но и возжег благовония. Молился ли он в тот миг об удаче или просил у Жу Яньхэ прощения за то, что

нужда заставляет его нарушить покой забытой гробницы?

Дин Гуанчжи аккуратно стер тонкую пыль, успевшую покрыть курильницу, и зажег одну из благовонных пилюль, что всегда носил с собой. Дым тонкой сизоватой струйкой пополз вверх. Запах старой туи⁸ казался чужим в этом недобром запустелом месте. Дин Гуанчжи мысленно обратился к духу Жу Яньхэ, прося простить его за дерзкое вторжение и обещая заказать сотню поминальных служб в знак раскаяния за беспокойство.

За ним вновь наблюдали откуда-то из теней. Дин Гуанчжи чувствовал чье-то внимание – спокойное и холодное. Как присутствие затаившейся в траве змеи, которая с равной вероятностью может и укусить, и уползти прочь. Ни расположения, ни враждебности.

Следовало спешить. Время, которое удалось определить как благоприятное для этого дела, не было бесконечным, а оказаться в древнем склепе в иные часы хотелось менее всего.

Чем дальше уходил коридор вглубь холма, тем прохладнее становилось. И тем тяжелее давили застоявшиеся потоки, движение которых возведенный в неблагоприятном месте курган затруднял еще больше. Никаких следов учителя больше не встречалось. Ни талисманов, ни приметных знаков.

⁸ Благовония на основе старой туи используются в Срединных Землях во время поминальных обрядов.

Из темноты стали выступать очертания величественных ворот. Украшенные резьбой столбы поддерживали перекладину, где была выбита надпись. Письменность Великой Цюнци не слишком отличалась от древней письменности Яшмовой Ганьдэ, которую по сей день знали все претендующие на ученость люди. Дин Гуанчжи приподнял лампу выше, стараясь разглядеть надпись, но этого было недостаточно. Поняв, что так ему не справиться, он усилил огонек, одновременно заставив его оторваться от фитиля и подняться вверх.

«Не рожденный от живой плоти и не имеющий дыхания да не войдут сюда. Многоликий да не выйдет», – гласили залитые киноварью знаки.

Талисман-заклинание, преграждающий путь демонам внутрь – и путь Меняющим Облик наружу. Дин Гуанчжи озадаченно вернул огонек на фитиль лампы. Защита от демонов понятна, но неужели Жу Яньхэ был одним из Меняющих облик? Но как он мог такое скрыть? Ни в хрониках, ни в легендах о подобном не было ни полслова! Сущность Меняющего Облик утаить не так просто, а правителю, который всегда на виду у сотен людей, – и подавно.

Но не значит ли это, что вместе с Жу Яньхэ был погребен кто-то из Многоликих, возможно – слуга правителя? В те жестокие времена подобное отнюдь не было редкостью. Дин Гуанчжи почувствовал, что между лопаток выступил ледяной пот. Но даже если и так – кто смог бы выжить за столь-

ко веков без воды и пищи? Меняющие Облик нуждаются в этом, пусть и в меньшей степени, чем люди.

Гигантские тяжелые створки ворот, запирающих вход, были закрыты неплотно. Отворил ли их учитель? В коридоре нигде не было тела – значит ли это, что он вошел внутрь? Или ворота приоткрыл кто-то другой?

Внезапно Дину Гуанчжи послышался шепот. Еле различимый женский шепот и шелест шелков. Стены коридора словно начали изгибаться и кривиться перед глазами, письмена поползли по столбам, точно живые. А голос все шептал и шептал на незнакомом языке, будто торопился что-то поведать.

Руки сами собой сложились в печать, рассеивающую наваждения. Стены перестали кривиться. Знаки резьбы замерли на месте... но не на прежнем, а на том, куда они успели передвинуться.

Впервые за многие годы Дину Гуанчжи стало по-настоящему страшно.

Глава 1

– Я беспокоюсь за Его Высочество. – Голос Чжучжэн звучал ровно и раздумчиво. Она не привыкла выдавать свои истинные чувства. – Я рада, что государь принял решение о путешествии Его Высочества, но все же опасаясь, что вдали от столицы недругам будет проще нанести удар.

Многое не звучало вслух даже сейчас, в этих десятки раз проверенных покоях, куда непросто было попасть стороннему человеку. Во дворце недоговаривать, обходясь полунамеками, быстро становится привычкой.

Юноша, замерший в почтительном коленопреклонении в шести шагах от возвышения, на котором сидела Чжучжэн, не шелохнулся. Ни на фэнь⁹ не дрогнула и не приподнялась склоненная до самого пола голова.

Чжучжэн оперлась о подлокотник, с задумчивым интересом рассматривая того, кого привел Юн Ичэн, узнав о ее тревогах. Бессмертный. Один из тех пугающих и почти легендарных Десяти Тысяч Мертвых. Это должно было помочь. Личный телохранитель Хао Вэньянь – славный юноша, безоговорочно преданный ее сыну, но и он едва ли сможет уберечь принца от всех бед и опасностей. И если вдруг выйдет так, что не справится даже бессмертный... значит, Шэнли не

⁹ Фэнь – мера длины, около 4 мм.

суждено уцелеть.

Внутренне содрогнувшись, Чжучжэн постаралась отогнать эту мысль. Нет, ее сын будет жить, чего бы то ни стоило! Быть может, не на Яшмовом троне, но будет! Хао Вэньнянь и этот жутковатый телохранитель защитят его – если хотя бы половина того, что рассказывают о возможностях бессмертных, правда, то императрица просто не найдет убийц, способных справиться с такой охраной. А если после этого удастся еще и доказать злой умысел императрицы...

Чжучжэн оборвала сама себя. Не об этом нужно думать в такой час. Еще ничего не произошло, а она уже строит планы, как избавиться от соперницы. Все же двадцать лет вражды и борьбы за сыновей не прошли даром для них обеих.

Удастся ли до конца скрыть природу этого тайного телохранителя, о которой не должен догадаться даже сам Шэнли? На первый взгляд юноша не отличался от прочих молодых людей его возраста. Советник Юн явно успел предупредить его о той роли, что ему предстоит сыграть, и потому бессмертный сейчас был одет как подобает молодому господину из благородной, но пришедшей в некоторый упадок семьи: скромно, но достойно, без излишней демонстрации отсутствия богатства. Если не знать, какую цену лучшим нефритом пришлось уплатить за его услуги, и правда легко поверить, что это один из тех многих молодых людей, которых родственники стараются пристроить в свиту высшей знати в надежде на то, что они построят карьеру.

Чжучжэн сделала легкий жест рукой.

– Сиятельной госпоже угодно, чтобы вы поднялись, – тут же отозвалась дама Со Мэйсю, верно истолковав пожелание Чжучжэн.

Бессмертный послушно выпрямился и снова неподвижно замер. Теперь Чжучжэн могла рассмотреть его лучше.

Да, ничто не выдавало его природу даже при пристальном взгляде. Разве что лицо могло бы показаться кому-то очень бледным – но такое легко объяснить тем, что молодой господин из щегольства избегает солнечного света. Совершенно не похож на мертвеца, хотя, если верить легендам, после того как Небеса наказали бессмертных за гордыню, они уподобились ликами мертвым. Юноша даже моргал, пусть и реже, чем это делают люди обычно. И дышал – Чжучжэн видела, что его грудь приподнимается и опускается.

Осмотр полностью удовлетворил Чжучжэн. Даже если этот облик лишь фальшивая личина, она достаточно убедительна, чтобы обмануть самого внимательного наблюдателя. Чжучжэн удовлетворенно улыбнулась, чуть заметно кивнув советнику Юну.

Дежурившая у дверей покоев дама, войдя, склонилась в малом поклоне:

– Его Высочество с почтением и любовью ожидает позволения войти.

– Я с радостью в сердце ожидаю его, – отозвалась Чжучжэн.

Легкое указующее движение веера Со Мэйсю – и бессмертный понятиливо переместился левее и дальше от возвышения, на котором сидела Чжучжэн. Очень быстро и гибко, словно перетек с одного места на другое.

Обычно Чжучжэн принимала сына, не скрываясь за тонкой газовой шторой. А некогда и вовсе пренебрегала завесой, отлично сознавая, что равных ей по красоте нет. Но сейчас, когда молодость ушла, тончайшая ткань стала спасением, скрадывающим следы, оставленные ходом времени. И в присутствии бессмертного Чжучжэн чувствовала себя неготовой предстать без спасительной тончайшей завесы.

Произнесенные слова приглашения не были пустой, предписанной дворцовым этикетом фразой. Вид Шэнли действительно неизменно наполнял сердце Чжучжэн радостью. И отнюдь не потому, что сын оказался для нее шансом стать императрицей-матерью. Шэнли просто был единственным и любимейшим ребенком Чжучжэн. Первенцем. Главным сокровищем.

Шэнли подошел к самому подножию возвышения, к тому месту, где его уже ждала положенная служанкой подушка. Верный Хао Вэньянь следовал за ним, держась на шаг позади.

– Матушка. – Поклон принца был легким и чуточку небрежным. – Вы пожелали видеть меня, и я не смел заставлять вас ждать.

Чжучжэн с нежностью улыбнулась, любуясь красотой,

юностью и беспечным изяществом сына. Его отец, когда они оставались вдали от посторонних глаз и обязательных требований этикета, вел себя сходным образом.

— Благодарю, Ваше Высочество. — Чжучжэн слегка наклонила голову, приветствуя сына и отвечая на почтительный поклон Хао Вэньяня. — Мне хотелось внести свою лепту в подготовку вашего скорого путешествия. Молодой господин Чжу Юйсан родом из Цзянли, и я надеюсь, что он сможет развлечь вас в дороге.

При упоминании своего имени бессмертный склонился в земном поклоне перед принцем, коснувшись лбом пола.

Шэнли посмотрел на представленного матерью нового члена своей свиты слегка заинтересованно. А вот Хао Вэньянь буквально впился в бессмертного внимательным взглядом, изучая и оценивая.

Чжучжэн заметила, что Шэнли едва заметно нахмурился, услышав о предстоящем путешествии в Цзянли. У нее складывалось впечатление, что сын не испытывает особенной радости по поводу предстоящего приключения. Оно действительно выглядело не слишком приятно. Как будто император нарочно убирал второго сына из столицы, чтобы как-то успокоить императрицу, требующую незамедлительного объявления, кто же из двух принцев станет наследником.

Но, какие бы чувства ни испытывал Шэнли, он доброжелательно улыбнулся застывшему в поклоне человеку.

— Рад приветствовать, Чжу Юйсан. Надеюсь, пребывание

в моей свите не покажется тебе чрезмерно скучным. — Шэнли небрежно обмахнулся веером. — Я полностью доверяю выбору своей матери... ты не приходишься родичем советнику Чжу Иньпэю?

— Для меня честь удостоиться места среди сопровождающих Ваше Высочество. — Чжучжэн впервые услышала голос бессмертного. Чуть глуховатый, но довольно приятный. — Нет, достопочтенный советник Чжу не является родней моей семье.

— А! — Шэнли явно был этим доволен. Видимо, услышав знакомую фамилию, он решил, что советник Чжу пытается пристроить в его окружение какого-то бедного родственника. — Я думаю, ты сможешь рассказать, что действительно интересно в Цзянли и что непременно стоит повидать.

— Я в полном распоряжении Вашего Высочества и приложу все усилия, чтобы оправдать его милость.

Шэнли исподволь бросил взгляд на мать, словно спрашивая — так ли необходимо присутствие этого человека в его свите. Чжучжэн с легкой улыбкой едва заметно кивнула в ответ, зная, что сын верно истолкует и кивок, и улыбку. Шэнли, как и в детстве, понимал ее без слов. И, как и в детстве, доверял ей.

Доверял ей и Хао Вэньянь. Чжучжэн заметила, что юноша увидел их с Шэнли обмен взглядами, и скрытое напряжение, с которым он изучал Чжу Юйсана, как будто немного ослабело.

Юноши покинули ее покои втроем, и это показалось Чжучжэн хорошим знаком. Было ясно, что Шэнли принял в свое окружение рекомендованного ею спутника хотя бы на время путешествия. Принц был достаточно своенравен, чтобы не молчать, если что-то приходилось ему не по душе.

Теперь Чжучжэн могла отбросить в сторону газовый занавес – не было нужды ни прельщать советника Юна, ни скрывать от него изменившееся от возраста лицо. Слишком давно и хорошо они знали друг друга.

– Как себя чувствует твоя племянница?

– Лифэн здорова, благодарю за внимание к ее скромной персоне. – Юн Ичэн внимательно взглянул на Чжучжэн, ожидая продолжения.

– Сколько ей лет? Семнадцать, если я помню верно?

– Совершенно верно. – Взгляд советника Юна стал еще более внимательным.

– Прекрасный возраст, – раздумчиво вздохнула Чжучжэн.

Ей самой было семнадцать, когда она вошла в золотые ворота дворца в числе тех, кого отобрали в наложницы императору. Как давно это было...

– Лифэн уже помолвлена?

По лицу советника Юна скользнула тень. Едва заметная. Но достаточная, чтобы Чжучжэн не потребовался ответ.

При рождении с Юн Лифэн случилось несчастье. Повитуха по неосторожности повредила ножку, что сделало девочку хромой без всякой надежды на излечение. Этот изъян не

отменял ни ума, ни привлекательности девушки, но в глазах многих был непреодолимым препятствием для замужества. Именно поэтому ворота императорского дворца оставались закрыты перед Лифэн, несмотря на все ее достоинства: женщины, допущенные к взору членов императорской семьи, не должны иметь изъянов во внешности. Это же заставляло не слишком умных женихов обходить ее при сватовстве. Тех же, кто был готов взять в жены хромую девушку лишь для того, чтобы породниться с домом Юн, отсылала прочь сама семья.

– Если путешествие Его Высочества по Цзянли пройдет благополучно и он вернется в добром здравии, я буду просить ее руки для Хао Вэньяня.

Юн Ичэн почтительно склонил голову, произнося слова благодарности, но Чжучжэн подозревала, что советник сейчас размышляет, достойная ли это награда. Хао Вэньянь происходил из рода, времена славы и силы которого остались в прошлом. Однако он был молочным братом и наперсником Шэнли, с младенчества воспитанным вместе с принцем. Чжучжэн относилась к юноше почти по-матерински и считала себя обязанной устроить хороший брак для Хао Вэньяня – его собственная семья жила не в столице, а сам он был слишком занят охраной принца. Ее стараниями Хао Вэньянь получит в жены девушку, которую Чжучжэн с радостью увидела бы на месте собственной невестки, Юн Лифэн – хорошего мужа, а дом Юн будет еще сильнее привязан к принцу

Шэнли в близящейся борьбе за трон. Путешествие принца в Цзянли и нынешнее затишье лишь короткая передышка перед грозой. Чжучжэн всей душой молилась о том, чтобы она разразилась нескоро.

* * *

Дворец, который занимал второй принц Цзиньяня Тянь Шэнли, окружали клены, местами почти соприкасающиеся кронами. Осенью резиденция принца тонула в пламени покрасневших листьев, приобретая особую прелесть. А сейчас, в середине лета, клены стояли зеленой стеной, укрывая дворец от яркого солнца.

Во внутренних покоях сохранялась приятная прохлада. Шэнли опустился на подушки, коротким кивком указав Хао Вэньяню место рядом. Это означало, что все церемонии можно отставить.

– Что скажешь об этом... Чжу Юйсане? – осведомился принц, разливая по чашкам пахнущий анисом и апельсином прохладительный напиток. – Ты всю дорогу рассматривал его так, словно у него под волосами синие перья.

Шэнли и сам внимательно изучал этого неожиданного спутника, найденного матерью буквально в последние дни перед отбытием в путь. Задавал неожиданные, вроде бы ничего не значащие вопросы. И по первому впечатлению Чжу Юйсан показался ему вполне приятным человеком. К тому же суж-

дениям матери Шэнли привык доверять – а та явно желала, чтобы он принял этого человека из Цзянли в свое окружение.

Хао Вэньян с благодарным полупоклоном взял чашку с питьем. Слегка нахмурился и едва заметно повел плечами.

– Мне... – он замялся, как будто пытаюсь подобрать слова, – мне он почему-то неприятен.

Шэнли бросил на молочного брата слегка удивленный взгляд. Хао Вэньян трудно было упрекнуть в предвзятости по отношению к людям. Да, он привык внимательно изучать каждого нового человека, в конце концов, его растили как телохранителя принца. Однако о беспричинной неприязни к кому-либо Хао Вэньян на памяти Шэнли заговорил впервые.

– Он кажется тебе подозрительным?

– Нет. – Хао Вэньян нахмурился сильнее. – Это нечто другое. Я впервые почувствовал что-то подобное. Сразу, как только оказался в одних покоях с ним.

Казалось, Хао Вэньян сильно смущало и то, что он испытывал такую неприязнь к кому-то, и то, что не мог объяснить причину этого чувства. Шэнли ободряюще улыбнулся ему.

– Ну что же, значит, не будем спускать с него глаз и спешить слишком доверять. Не то чтобы я подвергал сомнению выбор матушки... впрочем, хорошо бы узнать, что это за род Чжу из Цзянли.

Хао Вэньян понимающе кивнул. Шэнли сделал из чаши

пару глотков и раскрыл веер, задумчиво рассматривая рисунок.

Покидать дворец и ехать куда-то к границам Данцзе не слишком хотелось. Не хотелось надолго оставлять мать без поддержки. Не хотелось расставаться с отцом-императором, чье состояние все больше тревожило Шэнли. И не только ему было очевидно, что здоровье Сына Неба ухудшается. Императрица действовала все активнее, пытаясь убедить императора объявить наследника – и, конечно же, этим наследником должен был стать принц Шэньгун, ее сын.

К брату Шэнли не питал особой неприязни. Быть может, если бы их матери не соперничали, принцы могли бы неплохо поладить и относиться друг к другу действительно по-братски. Ведь занять Яшмовый трон Шэнли не желал... вернее, почти не желал. Слишком много ограничений, забот и ответственности нес с собой титул императора.

Сейчас крупнейшей победой императрицы и поддерживающих ее родов стала женитьба принца Шэньгуна. И Шэнли подозревал, что матушка уже придирчиво изучает кандидатов, выбирая ему лучшую из возможных невест.

Но Шэнли полагал, что императрица торжествует рано. Разве не ему, второму принцу, император сказал: «Люди должны увидеть и полюбить тебя. А ты – показать, что заботишься о них, увидеть и узнать свою страну». Отец лишь выжидает удобный момент, исподволь желая познакомить народ Цзиньняна именно с Шэнли. А значит, в скором времени

его ждала поездка еще куда-то, помимо Цзянли.

Ему предстояло побывать в самых значимых для династии Тянь местах. Лично проследить за тем, как наполняются хранилища в ожидании возможного неурожая – в соседнем Милине начиналась засуха, грозящая затронуть и Цзянли. А кроме того, встретиться с прославленным генералом Линем из Данцзе, чтобы скрепить обмен пленными, захваченными во время недавней войны. План отца-императора был предельно ясен: сделать так, чтобы имя принца Шэнли было не просто знакомо всей стране, но и связано с заботой о народе. Тогда явно будет проще обеспечить Шэнли поддержку, когда придет время объявить наследника.

Шэнли сознавал, что понять подоплеку его путешествия в Цзянли способен не только он. А потому следовало держаться так, чтобы казаться безобидным. И он старательно притворялся изнеженным бездельником, которому претит сама мысль заняться чем-то, кроме стихосложения и своих наложниц. Не желал подогревать честолюбие матери – женщины, многие годы остававшейся возлюбленной императора, которой лишь политическая игра знатных родов помешала стать императрицей.

Нет, Шэнли решительно не желал первым поднимать знамена борьбы за Яшмовый трон. Однако не собирался и отказываться в случае, если отец-император все же объявит его своим преемником.

Хао Вэньянь молча сидел рядом, отпивая из чаши и ожи-

дая, когда принц отвлечется от своих размышлений. За многие годы молочный брат стал для Шэнли настолько привычным, что он почти не замечал его присутствия. Скорее он замечал отсутствие Хао Вэньяня, когда тот раз в год отправлялся на десяток дней выразить почтение своим родителям или раз в месяц получал три дня отдыха от службы.

Шэнли посмотрел на неизменно серьезное лицо Хао Вэньяня, чувствуя непреодолимое желание подразнить его.

– Раздумываешь, сколько продлится наше путешествие? Месяца четыре, я думаю, не меньше... а то и все пять. Боишься, что твой цветок персика заскучает в разлуке?

– Ваше Высочество! – Хао Вэньянь немедленно смутился.

– Ты ведь никогда не оставлял ее больше, чем на месяц. – Смущение собеседника только подзадорило принца. – Не боишься, что она начнет искать забаву от скуки? То, что она тебе так долго не надоедает, я не удивляюсь – ты же видишь ее раз в месяц...

Хао Вэньянь неловко улыбнулся. Два года назад он выкупил в доме для утех девушку, которую поселил в подаренной ему за службу городской усадьбе. В этом не было ничего удивительного – благородные юноши, начав жить своим домом, часто заводили постоянных наложниц, если не питали пристрастия к более легкомысленным развлечениям в цветочных кварталах. Удивительным для принца было разве что постоянство Хао Вэньяня, который с тех пор больше не посмотрел в сторону других женщин, как будто был при-

мерным мужем.

Смущение Хао Вэньяня стало настолько заметным и сильным, что Шэнли, против обыкновения, почувствовал некоторую неловкость за свои шутки.

—Если хочешь — можешь быть свободен до часа нисхождения вод¹⁰. Проведай ее еще раз, прежде чем мы уедем.

Благодарность сменила смущение на лице Хао Вэньяня. Однако почти сразу он вновь нахмурился и качнул головой.

— Нет, Ваше Высочество. Я признателен за заботу, но прошу позволить мне отказаться. Мне... я не смогу быть спокоен, когда молодой господин Чжу недалеко от вас.

Брови Шэнли чуть приподнялись в удивлении. Неужели непонятная неприязнь к Чжу Юйсану у Хао Вэньяня настолько сильна? Это было странно. И это требовало объяснений.

¹⁰ Около десяти часов вечера.

Глава 2

Храм в честь принцессы Линлинь в Яньци не был самым большим и пышным в Цзиньяне. Однако он был самым старым – и считался самым красивым. И, безусловно, самым почитаемым. Иначе и быть не могло. Именно в Яньци принцесса появилась на свет, и здесь же произошло ее вознесение. Обойти этот храм вниманием при путешествии для Шэнли было бы непростительной оплошностью.

Величайшей добродетелью Линлинь была приверженность справедливости. Ее нежелание поступиться убеждениями даже перед ликом неминуемой гибели некогда стало одной из первых капель, что склонили чашу весов на сторону опального принца Яньли, который и стал основателем династии Тянь.

Обычно на статуях покровительница взыскующих справедливости изображалась в пышных церемониальных одеждах, со строгим, даже суровым лицом. Но в храме Яньци изваяние принцессы было иным. Линлинь выглядела именно принцессой – нарядной, красивой, совсем молодой и скорее приветливой, чем строгой.

– Это изваяние самое правдивое. – Глуховатый голос Чжу Юйсана звучал негромко из почтения к небожительнице. – Мастер, создавший его, видел Ее Небесное Высочество лично, еще до того, как она вознеслась.

Шэнли с интересом взгляделся в улыбающееся лицо статуи. Да, искусство мастера действительно было велико. Но как искать у такой изящной красавицы поддержки в столь серьезном деле, как следование долгу и беспристрастной справедливости? Неудивительно, что со временем Линлинь стали изображать суровой дамой с непреклонным ликом.

Росписи на стенах повествовали о самых важных эпизодах из жизни принцессы. Эту историю Шэнли знал с детства, причем в разных вариантах – как историю смелости и следования долгу, как историю о том, что стало началом успешной борьбы предка с династией У, и как прекрасную повесть о несчастной любви принцессы и генерала Хао Сюаньшэна. Последний вариант особенно нравился поэтам и авторам пьес для театра.

– А фрески? – так же негромко спросил Хао Вэньян, рассматривая росписи. – Художник тоже рисовал их по памяти?

– Да. – Чжу Юйсан склонил голову перед алтарем и коснулся лбом сложенных ладоней, отдавая почтение принцессе.

Особый интерес Хао Вэньяня к фрескам принц отлично понимал. Его молочный брат оказался прямым потомком младшего брата генерала, и история Хао Сюаньшэна была для него частью истории рода.

В том, что и писавший фрески художник слыл очевидцем событий, не было ничего удивительного. Именно в Яньци обезумевший от горя генерал Хао привез остававшееся

нетленным тело принцессы. И именно здесь ее отец, ван¹¹ Цзянли, и генерал преклонили колени перед будущим основателем династии Тянь, первыми признав его власть. Отец-император совершенно не случайно отправил Шэнли в эти места. Для династии Тянь они навеки будут иметь особое значение.

Шэнли и Хао Вэньянь возложили дары к ногам принцессы. Принц вновь задумчиво заглянул в улыбающееся, приветливое лицо. Она казалась слишком молоденькой и хорошенькой для того, чтобы так бестрепетно пожертвовать своей жизнью, дабы просто упрекнуть кого-то в несправедливости.

Чжу Юйсан присоединился к ним. Еще один тонко свитый из золотой бумаги цветок и выточенный из сердолика флакончик с благовониями легли рядом с подношениями принца. Чжу Юйсан низко склонил голову и коснулся лбом сложенных ладоней – как делают не просто пришедшие почтить небожителя, а верные последователи культа.

– Ты считаешь Ее Небесное Высочество? – поинтересовался Шэнли уже за храмовой оградой.

Принцесса покровительствовала не только тем, кто взыскует справедливости. Ей поклонялись многие судьи. А еще выданные против воли замуж женщины, прося твердости духа для того, чтобы остаться верными супружескому долгу.

¹¹ В Цзиньяне титул вана носит губернатор провинции, являющийся кровным родственником императорской династии до шестого колена включительно.

– Да, Ваше Высочество. Ваш слуга питает надежды на то, что сможет удостоиться звания судьи и окажется достойным и справедливым последователем Ее Небесного Высочества.

Желание Чжу Юйсана стать судьей показалось Шэнли несколько странноватым. Он совершенно не производил впечатления человека, желающего копаться в чужих дрязгах. Но если Чжу Юйсан действительно этого хочет... после возвращения можно будет похлопотать о такой награде для него.

В целом путешествие Шэнли находил вполне приятным. И даже интересным. Довольно необычно было оказаться вне привычной с рождения обстановки дворца и получить такую свободу в своих решениях. До определенных пределов свободу, конечно. Наставник Ли строго следил за тем, чтобы принц придерживался принятого плана поездки и не слишком пренебрегал своими обязанностями. Однако ускользнуть из-под его надзора сейчас было проще, чем в столице.

Вопреки первоначальной настороженности, которую в Шэнли пробудила неприязнь, высказанная Хао Вэньянем, Чжу Юйсан понравился принцу. Сдержанный, серьезный, воспитанный не хуже юношей из знатных родов столицы и, что стало особенно приятным, лишенный подобострастия, ожидаемого в провинциале. Он действительно мог многое рассказать о Цзянли, оказался неплохим собеседником, недурно играл на флейте – словом, вполне вписался в ближний круг свиты Шэнли. Только вот Хао Вэньянь про-

должал коситься на него так, словно Чжу Юйсан был с ног до головы покрыт некоей отвратительной слизью, которую больше никто не замечает. Шэнли улавливал, что каждый раз, как они оказывались у ворот какого-либо храма, Хао Вэньнянь впивался взглядом в Чжу Юйсана, как будто ожидая чего-то. Но сколько бы принц ни расспрашивал своего молочного брата, тот так и не смог внятно объяснить причины своей неприязни. Это непонимание и неспособность что-то сделать со своими чувствами явно смущали и раздражали самого Хао Вэньняня. Если бы Шэнли не так хорошо знал его, то решил бы, что молочный брат попросту ревнует... только вот Хао Вэньняню было чуждо подобное. Никто во всем Цзиньняне не мог сравниться с ним по близости к Шэнли.

Все проверки, тайно предпринятые принцем и Хао Вэньнянем, указывали на то, что в Цзянли и правда издавна проживает пришедший в сильный упадок род Чжу. Двадцать лет назад, во время большого поветрия, он почти вымер и так и не смог вернуть себе прежнее положение. Более того, Чжу Юйсан, смущаясь и благодаря за оказанную честь, даже ответил согласием на предложение на обратном пути показать принцу родную усадьбу.

До прибытия генерала Линя из Данцзе оставалось еще несколько дней, которые можно было провести в свое удовольствие. И поездка к порогам Юйхэ должна была стать очередным развлечением.

Шэнли не слишком восторгался ночевками в походных

шатрах. Как бы ни старалась его свита обеспечить надлежащие удобства и роскошь, все же это слишком отличалось от привычной принцу обстановки дворцов и богатых усадеб. Однако величественная красота кипящих порогов и водопадов Юйхэ отчасти примирила Шэнли с необходимостью несколько ночей провести в шатре.

Еще одним удовольствием, которому можно было без ограничений предаваться в поездке по столь отдаленным местам, не задумываясь о том, что ненароком устроишь потрапу крестьянских посевов, — были поездки верхом. При всей изнеженности, Шэнли любил носиться по полям в бешеной скачке. И в дальних областях Цзянли он мог сполна насладиться любимой забавой.

В тот день они отъехали довольно далеко от лагеря — перед возвращением в Яньци Шэнли хотел своими глазами увидеть самые дальние водопады, в том числе и знаменитый Трехглавый, о котором с восторгом писали путешественники и с воодушевлением рассказывал Чжу Юйсан.

Он и вызвался быть проводником. По его рассказам, он бывал в этих местах ранее и знал дорогу. Хао Вэньянь немедленно нахмурился — но скорее по привычке относиться к молодому господину Чжу с недоверием, которое не мог преодолеть.

Свита оказалась невелика — лишь самое близкое окружение, те, что были молоды и хорошо держались в седле. В большой охране Шэнли не видел смысла. Местность была

такова, что незаметно укрыть крупный отряд не получилось бы даже у легендарных генералов прошлого. Да и подкраситься тайком могли бы только невидимки.

Погода располагала к прогулкам. Впервые за много дней солнце перестало так нещадно палить. Небо затянула легкая дымка, обещавшая в скором времени стать плотнее. И быть может, за этой дымкой придут и тучи, которые прольются дождем. Он успокоит одолевающие многих тревоги, что засуха, мучающая Милинь, перекинется на Цзянли.

Трехглавый водопад был уже виден – три бурлящих потока, в полете сливающихся в один и уже едиными падающих в воды Юйхэ. Зрелище впечатляло величественной красотой даже издали, и Шэнли уже представлял, что они увидят, когда приблизятся, как вдруг от созерцания его отвлекла лошадь. Сяююэ, его любимица, почему-то начала нервничать. И не только она одна. Забеспокоились и другие кони.

Почти одновременно с этим указывавший дорогу Чжу Юйсан придержал своего коня и предостерегающе вскинул руку.

– Здесь что-то не так, – услышал принц напряженный голос Хао Вэньяня, – господин Чжу! Бывало ли тут такое ранее?

– Нет. – Лицо обернувшегося Чжу Юйсана выглядело встревоженным. – Здесь всегда было спокойно.

Кони нервничали все сильнее, переступали ногами, всхрапывали, прижимая уши. Шэнли старался успокоить

Сяюэ, озираясь по сторонам. Местность вокруг выглядела безмятежной, серебристо сияли воды Юйхэ, шумел в отдалении, низвергаясь с высоты, Трехглавый... что же встревожило коней, Чжу Юйсана и Хао Вэньня? И почему лишь их?

– Ваше Высочество. – Чжу Юйсан был серьезен и собран. – Прошу вас вернуться в лагерь. Что-то потревожило это место.

– Господин Чжу прав. – Хао Вэньня сдерживал храпящего коня. – Я не знаю, что это, но лучше не оставаться здесь.

Шэнли мимоходом удивился такому единодушию прежде не ладивших спутников, но не успел ничего ни сказать, ни сделать.

Со Ливей вскрикнул, с трудом удержавшись на взвившемся на дыбы коне. У ног его вороного медленно вспух пузырь земли. Вспух и лопнул, оставив на поверхности истлевший череп в остатках разбитого шлема.

Шэнли ощутил укол ужаса. Земля вокруг шла волнами, словно медленно кипящая вода, вынося наверх разбитые кости людей и лошадей, позеленевшие шлемы и мечи, какие-то темные куски, в которых невозможно было угадать то, чем они были раньше. Кони хрипели, бешено ржали, вставали на дыбы. Несколько спутников Шэнли не смогли удержаться в седлах и оказались на исходящей пузырями земле, среди костей и древнего оружия.

– Держитесь! – Обычно смуглое лицо Хао Вэньня было

пепельно-бледным, но повод Сяююэ он перехватил твердо. — Надо уходить!

Шэнли вцепился в гриву Сяююэ, не находя сил возразить. Со Ливей, ухитрившийся совладать со своим конем, оказался рядом, готовый прикрыть принца с другой стороны... но от чего и как, если ужас творился прямо под их ногами?

Краем глаза Шэнли заметил, что Чжу Юйсан, каким-то чудом удерживаясь верхом, сложил руки в странном жесте. Неужели печать? От напряжения лицо Чжу Юйсана застыло и словно заострилось. Но земля рядом с ним стала успокаиваться. Хао Вэньянь, переглянувшись с Со Ливеем, начали своими конями теснить Сяююэ ближе к спокойному месту.

Круг ровного покоя медленно, словно преодолевая сильное сопротивление чего-то незримого, расходился дальше. Земляные волны и пузыри сглаживались и утихали. Успокаивались и лошади. Потрясенные люди переглядывались, переводя дыхание.

Все стихло. Чжу Юйсан тяжело уронил руки, устало ссутулившись в седле.

— Хао Вэньянь... довольно. Я думаю, все кончилось. — Шэнли словно заново учился говорить, с трудом проталкивая слова пересохшим горлом.

Хао Вэньянь выпустил повод Сяююэ. На его лицо постепенно возвращались краски.

Куда ни падал глаз — повсюду землю усеивали кости и сломанное оружие. Как будто земля вдруг изрыгнула давно по-

гребенное поле битвы.

Принц торопливо сделал несколько глотков из поданной Хао Вэньянем фляги, пытаясь справиться с пережитым страхом.

– Так ты заклинатель?

– Ваше Высочество правы. – Чжу Юйсан с видимым трудом расправил опущенные как под тяжелой ношей плечи и попытался поклониться. – У меня есть скромный дар.

Шэнли сделал еще глоток, с новым интересом глядя на него. Так вот почему матушка рекомендовала его в сопровождающие? Шэнли ни за что бы не признал в Чжу Юйсане заклинающего – те, кого принцу доводилось видеть ранее, были почтенными мужами в возрасте, больше похожими на ученых или отшельников.

Со Ливей отважился спешиться и теперь внимательно рассматривал один из выброшенных землей мечей.

– Он полностью бронзовый, – в его голосе слышался пережитый недавно страх, который он даже не пытался скрыть, – такой древний... жутко представить...

– Здесь была битва? – подал голос еще кто-то.

– И убитые остались без погребения. Должно быть, их души в гневе и устали ждать, когда о них вспомнят. – Еще один говоривший бросил взгляд на Чжу Юйсана, словно ожидая подтверждения своим словам, но тот не успел ответить.

– По возвращении мы отдадим распоряжение провести здесь поминальную службу. – Шэнли не желал задерживать-

ся тут более ни на миг. Даже красоты Трехглавого водопада уже не влекли принца. – А также прикажем, чтобы собрали все кости и похоронили достойно, дабы упокоить несчастных.

* * *

– И как тебя зовут на самом деле? – Шэнли отпил чай. Где-то внутри время от времени возобновлялся холодный озноб, напоминавший о пережитом страхе. Однако руки уже не дрожали.

– Чжу Юйсан, Ваше Высочество. Я готов дать Небесную Клятву в том, что это действительно мое имя и что я из рода Чжу из Цзянли.

Шэнли качнул головой. Нет, Небесная Клятва – слишком серьезно для такого случая. Но если готовность поклясться высказана искренне, а похоже, именно так и есть, то это говорит в пользу того, что Чжу Юйсан честен.

– Если ты солгал, то помни, что ты солгал сыну императора в присутствии двух свидетелей.

В шатре, помимо принца и Чжу Юйсана, находились Хао Вэньянь и Со Ливей. Шэнли рассудил, что эти двое должны знать все обстоятельства. Племянника дамы Со, ближайшей помощницы матери, Шэнли относил к числу тех, кому можно было довериться.

– Я не посмел бы, Ваше Высочество.

Шэнли нахмурился и переглянулся с Хао Вэньянем.

– То, что ты говорил в храме принцессы Линлинь о желании стать судьей, тоже правда?

– Да, Ваше Высочество. Я надеюсь, что смогу быть справедливым и беспристрастным судьей.

– Но ты заклинаешь духов. – Шэнли не оставлял попыток разъяснить для себя все, что только возможно, о способностях Чжу Юйсана.

– Обнаружив у меня дар, почтенные родичи сочли за благо найти наставника, который обучил меня некоторым приемам и практикам. Однако истинным своим призванием я считаю службу судьи. – Чжу Юйсан, до сих пор отвечавший, склонившись в земном поклоне, все-таки поднял голову, чтобы взглянуть на принца. Совсем ненадолго. На пару мгновений.

Шэнли в раздумчивости потер висок и переглянулся с Со Ливеем. Тот коротко пожал плечами. Все казалось вполне достоверным. Правда, насколько возможно занятие места судьи способному заклинать? Нет ли каких-то запретов для этого? Об этом надо обязательно поинтересоваться у наставника Ли.

– Моя госпожа матушка знала о твоих особых способностях?

Чжу Юйсан заметно медлил с ответом, и это замешательство лучше всяких слов говорило Шэнли, что его догадка на поле костей была верна – мать знала обо всем.

– Да, Ваше Высочество. Прошу простить за умолчание об

этом, сиятельная государыня не желала привлекать внимание...

Шэнли кратким жестом оборвал оправдания Чжу Юйсана:

– Я ни в чем не обвиняю тебя. Ты всего лишь не смел послушаться приказа моей матери.

А вот с матушкой по возвращении ему предстоит неприятная беседа. Шэнли привык к тому, что у них нет секретов друг от друга. И вдруг обнаружил такой сюрприз. Да, понятное дело, что мать не хотела привлекать внимание к талантам Чжу Юйсана, но Шэнли-то можно было сказать! Однако теперь дар молодого Чжу – сорочья тайна. Слишком много людей видело, как он умирят костяное поле. Шэнли задумался. А почему бы и нет? Весьма небесполезно иметь в своей свите заклинающего, особенно когда это не заросший бородой старец, а недурно воспитанный молодой господин. Вероятно, с карьерой судьи Чжу Юйсану придется повременить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.